

Dasha Poetica

ЛЮБОВЬ ПО ИМЕНИ ВОЛГА

Dasha Poetica

Любовь по имени Волга

«Автор»

2025

Poetica D.

Любовь по имени Волга / D. Poetica — «Автор», 2025

Иногда для обретения внутренней свободы мы готовы преодолевать тысячи километров, совершать трансокеанские перелеты, странствовать, пересекая новые границы. А что, если гармония и душевный покой намного ближе, чем кажутся? Это истории о том, что иногда даже самые невероятные стечения обстоятельств возможны, если наше сердце готово их принять. У каждого героя есть возможность сделать свой выбор, который может навсегда изменить ход событий, и только зов сердца поможет им не ошибиться.

© Poetica D., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Привет в будущее.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Dasha Poetica

Любовь по имени Волга

Однажды, мой случайный знакомый сказал слова, которые сильно отпечатались в моем сознании. Наверное, из-за того, что сама я не смогла сформулировать что-то похожее, но часто думала в этом направлении. Мы обсуждали жизнь заядлых путешественников, ведущих кочевой образ жизни и таких как я, кто выбрал оседлое «существование» в провинциальной глуши. Он сказал мне: «Знаешь, пока кто-то пытается выстроить свой колодец вишьрь, ты продолжаешь копать вглубь. А знаешь в чем сила колодца? В его глубине».

Привет в будущее.

250 км

Эта мысль буквально пульсировала в висках и не давала мне покоя. Всего двести пятьдесят км... Это же совсем немного, правда? Ну ведь уезжают как-то люди в другие страны, адаптируются к новым условиям, другой ментальности и языковым барьерам, а здесь всего несколько часов на машине и вот ты как будто бы никуда и не уезжал. Как же я буду без мамы? А как мама будет без меня? В теле двадцатидвухлетней, уже сформировавшейся по всем канонам девушки, все еще металась та маленькая девочка, познавшая все прелести слова «гиперопека». Но полгода назад ей пришлось вынужденно повзрослеть. Мы становимся зрелыми, когда уходит кто-то из родителей. Полгода назад не стало папы.

Тем утром мне совершенно не хотелось вступать в привычные, но изматывающие баталии, но мама была непреклонна.

– Анна, куда ты собралась переезжать в таком состоянии? Ты буквально вчера жаловалась на свои панические атаки ...Это другой город. У тебя совершенно никого там нет.

– Я все понимаю. Но я не хочу здесь оставаться, мам. Я планирую начать жизнь с чистого листа. Здесь все напоминает о прошлом: и хорошем, и в основном не очень. Может там мое состояние улучшится, и я справлюсь с тревожностью?

– Ты недавно окончила университет... Филлип Андреевич обещал пристроить тебя к себе в фирму. Неужели ты готова отказаться от карьеры, ради сиюминутного желания пожить в какой-то Тмутаракани?

– Мам, ты невыносима. Карьера никуда не убежит, а у меня сейчас ни на что нет ресурса. Помнишь, папа уезжал на Волгу, когда ему было плохо. Это было его место силы. Кому нужен финансист, не способный планировать собственный день, не то, чтобы чужой бюджет?

Мама глубоко вздохнула и продолжила заниматься бытовыми делами с невозмутимым выражением лица, как будто этого диалога не было. Ее можно понять. Она хотела для меня лучшей жизни. Мечтала, что после МосТеха я буду работать у ее старого приятеля и владельца крупной страховой фирмы по совместительству. А я, поставив ее перед фактом, планировала переехать в Ярославль. Совершенно не перспективный, по ее меркам, город. Я помню, как огорошила ее этой новостью, пока она монотонно размешивала сливки в порции утреннего кофе.

– Аня, ты в своем уме? Какая провинция! Ты живешь в столице, миллионы людей мечтают иметь собственное жилье и связи в Москве. Ты готова променять все это на периферию?

– Мамуль, ну Ярославль – это же тоже столица. Культурно-исторический центр нашей родины. Там так красиво! Помнишь, мы ездили с папой на Стрелку? Тебе же нравилось.

– Неужели ты не видишь разницы между приезжать и жить? Это города для тех, у кого нет амбиций, милая. Этим людям достаточно голубого неба над головой и зеленой травы под ногами. Они не думают о перспективах и возможностях роста. О красивых квартирах в дорогих ЖК, о возможности путешествовать за пределы своей коробки, о том, что они оставят своим детям, кроме истории, которую они, к слову сказать, не творили. Что ты будешь там делать?

Невероятно сложно общаться с человеком, который оценивает жизнь только практичным мерилom. С каждым днем я все больше ощущала эмоциональный голод и испытывала страх от того, что больше никогда ни с кем не поговорю так, как с отцом. Он видел эту жизнь иначе, под призмой своего личного опыта, который во многом определяла его работа. Папа много лет отдал геодезии и взаимодействию с землей. Иногда, в моменты легкой меланхолии, он любил цитировать Гёте: «Человеку нужно немного земли, чтобы благоденствовать на ней, и еще меньше, чтобы покоиться в ней».

Я вспоминала, как он садился рядом, когда я в очередной раз склонялась над ненавистной макроэкономикой и с заговорщицкой улыбкой произносил куда-то в дальний угол комнаты, как будто рассуждая сам с собой:

– Мы не сто долларовые купюры, чтобы всем нравится. Даже если речь идет о родной матери.

Отец руководил большим проектом, которому вот-вот должны были выделить грант на научно-исследовательскую деятельность, но, к сожалению, он не дождался этого дня. Тем холодным апрельским утром, когда-то понятные и логичные вещи, утратили для меня весь смысл. Я долго существовала в абстракции и только пешие прогулки в Мещерском возвращали меня в реальность. Спустя время мне позвонила Ева, папина коллега и инженер проекта, сообщив, что ей срочно нужно со мной встретиться и кое-что передать.

– Аня, привет! Возможно, я не вовремя, не хотела бы лишний раз напоминать о переживаниях, но Степан вынужден был зайти в кабинет Станислава Александровича и нашел там в столе дневник...

– Ева, добрый день. Что за дневник? Это как-то связано с папиными планами относительно работы?

– Нет. Пожалуй, там что-то очень личное. Не в наших правилах читать чужие письма и тексты, тем более, когда речь идет о таком уважаемом для нас человеке. Мы пролистнули первые странички, убедились, что это не связано с проектом и я сразу же позвонила тебе. Когда и где будет удобно встретиться, чтобы забрать? Я не думаю, что Марте Андреевне нужно это читать.

Этот звонок застал меня врасплох. Всю ночь я провела в раздумьях, что же такого там могло быть, о чем я могу не знать и что отец не посчитал нужным мне рассказывать. У нас были очень доверительные отношения, и он часто повторял, что если в этом мире и есть человек, с которым бы он отправился в поход на тропу Хуашань, то это была бы я. Не то, чтобы он хотел и мог подвергнуть меня потенциальной опасности, просто он был уверен, что я всегда подстрахую и буду его поддерживать, чтобы не случилось.

Мы встретились с Евой на следующий день в «Салюте» на Страстном. Она как обычно выглядела очень возбужденной и озадаченной. Я всегда удивлялась ее способности выбирать активный отдых, даже в единственный полноценный выходной, но, если Ева примчала на своем верном железном коне с педалями, а на ее тарелке любимый грушевой пирог, значит все относительно стабильно, а стабильность – это скорее хорошо, чем плохо. По крайней мере, мне так казалось в тот момент, когда мой комфортный мирок трещал по швам.

Дорога до дома казалась вечностью. В моем шоппере болтался старый потрепанный кожаный ежедневник, а в нем прятался не дающий мне покоя секрет. Я не знала, радоваться тому, что я стану его хранительницей или содержимое секрета совершенно меня не воодушевит, но выбора у меня не было. Точнее, выбор есть всегда и на тот момент я его уже сделала.

Игорь

«В ту семейную поездку я все-таки увиделся с Лизой. Пока Аня с Мартой бродили по Набережной, я как в старые добрые помчался до Липовой, сказав, что мне нужно встретиться с ярославским коллегой. Марта мало интересовалась моими студенческими годами и не знала ни одного моего одноклассника из градостроительного колледжа. Не то, чтобы я продолжал с кем-то поддерживать близкие отношения или впадал в словесную ностальгию, но я знал наверняка, что ей это не интересно.

Она искренне считала, что у меня две жизни: та, бессмысленная захолустная и бесперспективная без нее и яркая, столичная, успешная с ней. Не знаю, что она вообще тогда во мне нашла. Совсем юный, без денег, приехавший на практику паренек, а она дочь уважаемого влиятельного человека. Но во мне самом что-то щелкнуло, и я был убежден, что мной движут не возможности и теплое место, а чувства. Я и по сей день не равнодушен к Марте, она многое мне дала и всегда верила в мои способности и успехи, но эта жизнь... Живу я, пожалуй, только тогда, когда работаю и выезжаю за город.

В тот день я почувствовал себя счастливым. Я даже поверить не мог, что спустя столько лет я увижу Лизу. Мы были очень дружны весь период учебы и сутками напролет слонялись втроем, представляя, какой интересной и необычной будет наша взрослая жизнь. Я был влюблен в нее с первых пар и с самого первого взгляда. Легкая, парящая, открытая всему новому и в то же время такая умная и рассудительная. До сих пор перед глазами эта копна пшенич-

ных волос, маленькая аккуратная родинка у левого глаза и тонкие хрупкие запястья, ловко орудующие тахеометром. Иногда мы оставались вдвоем, и я приглашал ее на прогулки вдоль Тверицкой набережной. Мы лопали мороженое, смеялись, я жадно вдыхал ежевичные нотки ее парфюма и еле сдерживался, чтобы не признаться ей в том, как сильно я в нее влюблен. В одну из таких прогулок она сообщила мне, что они с Димой встречаются и она давно питает к нему симпатию.

Я помню, как предательский ком застрял где-то в области пищевода, а клапан начал раздуваться до невообразимых размеров. Слова завязли в этом коме и душили меня изнутри. Все, что мне хотелось, это провалиться под ту самую землю, с которой я планировал связать всю свою сознательную жизнь. Дима был моим другом, но он не был тем человеком, которого бы я мог представить с Лизой. На этой планете вообще не было ни одного человека, которого бы я мог представить рядом с ней. Кроме себя. Меня не смущало то, что почти все свободное время от пар и учебных дел мы проводили вместе. Я никогда не замечал между ними ни искорки, ни многозначительных взглядов, ни каких-то только им понятных жестов. Может быть потому, что я был сконцентрирован исключительно на себе и своих чувствах. Но факт остается фактом. Лиза и Дима пара. Еще пару часов назад я бы больше поверил в вероятность внезапного разума, чем в то, что лучший друг и любимая девушка создадут свою вселенную, в которой мне, Станиславу Черкасову больше никогда не будет места.

Мы не виделись больше тридцати лет. Как только я окончил колледж и уехал в Москву наша связь оборвалась окончательно и бесповоротно. Благодаря Марте я поступил в архитектурно-строительный на вышку, через пару лет родилась Аня и я даже не допускал мысли возвращаться к прошлому. Я слишком ценил и ценю, что имею. В тот день звонок поступил на стационарный телефон фирмы и после тревожного «Станислав Александрович, Вас к телефону некая Елизавета», я почувствовал возвращение того самого кома, который все это время ждал своего звездного часа. Ее голос слегка дрожал, хоть она и старалась держаться уверенно. Все, что я запомнил тогда это: «Стас, мне очень нужно с тобой встретиться и поговорить лично. Это касается настоящего. Обещаю, что к прошлому мы возвращаться не будем. Я не смогу приехать в Москву, но, если ты приедешь в Ярославль, я буду очень тебе благодарна».

Уже тогда я знал, что приеду. Что я обязательно приеду, просто потому что она попросила. Отказать ей в просьбе встретиться, даже спустя столько лет, было выше моих сил. Марта сопротивлялась идее провести выходные на Волге, но мой верный Санчо Панса, как всегда, поддержала меня, за что ей спасибо. Аня лучшее, что со мной случилось в этой жизни. Я шел по знакомому маршруту, к очень хорошо знакомому дому, Лиза сообщила, что адрес не изменился. Когда я подошел ближе к подъезду, я не мог верить своим глазам, потому что от прежней Лизы осталась только родинка. Запястья из аристократичных превратились в прозрачные, некогда пухлые румяные щечки безобразно впали, от локонов не осталось ничего... Тогда я сразу понял, что Лиза тяжело больно. Лиза смертельно и бесповоротно больна. У нее неоперабельная онкология и я здесь, потому что она хочет озвучить свою последнюю просьбу.

Мы поднялись на старую уютную кухоньку, в которой я так любил распивать чай вместе с ее добродушной бабушкой – Есенией Михайловной. Когда-то здесь не переводился звонкий смех, аромат сдобных пирожков с вареньем и чая с деревенской мятой, а теперь царит атмосфера уныния и вселенской всепоглощающей тоски. Лиза рассказала, что их с Димой любовь продлилась всего год, а потом он стремительно исчез, не посчитав нужным рассказывать о своих координатах. Он предательски сбежал, когда узнал, что Лиза ждет ребенка. Их с Димой общего ребенка, которого она мечтала выносить и родить, веря в то, что у них будет замеча-

тельная семья. Дима был тот еще повеса, что никому не казалось чем-то предосудительным в рамках дружбы, но что было совсем не простительным в рамках отношений с Лизой. Есенин Михайловны не стало сразу после рождения Лизиного сына, которого она назвала Игорем. Игорь и стал причиной, по которой я оказался здесь. Она по-прежнему видела во мне того доброго и преданного парня, которого она не смогла полюбить, но которому безоговорочно доверяла. Напоследок она промолвила: «Стас, я понимаю, что ты можешь уйти и забыть про этот разговор. Игорь не твой сын и ты не обязан, к тому же он уже взрослый. Но у него никого не останется, когда придет время. Мне просто страшно, понимаешь?»

И я прекрасно понимал, потому что у меня у самого есть дочь. Я обязательно встречу с Игорем и все ему расскажу. Конечно, я не стану для него отцом и не буду играть в благодетеля, но я очень постараюсь стать для него другом, таким, каким я всегда был для его матери».

На повестке дня

В ту ночь я еще долго не могла уснуть. Теплый июньский дождь барабанил по карнизу, в наушниках наматывал свой десятый круг Наутилус, а в чашке, немим укором, застыл безобразно остывший чай. Я никогда не слышала от отца о его первой студенческой любви, не думала, что он переживал из-за неразделенных чувств. Значит ему была не безразлична эта Лиза даже спустя столько лет, раз он готов был сорваться из другого города и приехать ради одного короткого разговора.

А этот Игорь? Как он сейчас? Успел ли папа с ним увидеться... Путем не сложной калькуляции можно подсчитать, что их встреча с Лизой состоялась год назад, шесть месяцев из которых его уже нет.

Я судорожно листала блокнот, но все, что мне попадалось на глаза после этих обескураживающих откровений, было связано с какими-то папиными хобби: аккорды, стихи, авторские очерки и прочее. Ни одного упоминания о возможных контактах после той поездки, ни номеров телефонов, лишь одна неприметная запись с адресом. Он же там писал про Липовую... Наверное, это домашний адрес Игоря и его матери. В тот момент я даже не могла себе объяснить зачем мне все это нужно. Зачем я думаю о чужих мне людях и искренне переживаю о их судьбе? По сути, они мне никто, да и для отца только призраки прошлого. Но что-то внутри меня подсказывало, что я не должна ставить жирную точку в этом вопросе и закрывать глаза на открывшиеся обстоятельства. Если отец так переживал и искренне хотел помочь, то сейчас, когда он ушел из мира живых, я должна разузнать обо всей этой ситуации чуть больше.

Я машинально зашла на сайт сервиса путешествий и купила билет до Ярославля на утро пятницы. До поездки оставалось ровно 4 дня. Думаю, я успею определиться с жильем и объясниться с мамой. Еще вчера я хотела съездить в этот город, чтобы почувствовать связь с отцом, почувствовать свободу от безумного ритма жизни и бесконечных обязательств, а сегодня я строю планы относительно встречи с сыном первой папиной любви. Какая же непредсказуемая штука, жизнь... И какие непредсказуемые в ней мы.

Мама забронировала столик в Michelada на вторник. Именно во вторник, все ее любимые тако всего по сто восемьдесят. Да, напускной снобизм и великосветские замашки иногда уступают простому желанию поесть бедной мексиканской еды. Она не может пойти в заведе-

ние подобного уровня со своими выпендражными подружками, поэтому раз в две недели я составляю ей компанию на ацтеко-испанский променад. Может в этих вылазках есть какой-то другой, более сакральный смысл, чем просто употребление тако и чили кон карне. Когда-то в молодости, они с отцом отправились в небольшое путешествие по Мексике и это осталось одним из самых ярких и приятных воспоминаний у обоих. Я не до конца уверена, что место и время подходят для озвучивания моего решения, но до отъезда всего пару дней. Если не сейчас, то когда?

– Мам, ты только не волнуйся, ладно?

Было заметно, что невозмутимое мамино лицо начинает демонстрировать слегка озадаченную мимику.

– Анна, последний раз я слышала нечто подобное, когда ты позвонила мне из Армении, отпросившись на ночевку к подруге в Москве. Та ваша выходка очень сильно подорвала мое доверие к тебе и еще больше подорвала желание поддерживать твою художку. Все твои приятели оттуда были абсолютно легкомысленным. Если ты сейчас опять затянешь шарманку про выбор творческого пути...

– У меня билет на пятницу. Я уезжаю в Ярославль, мам. Да, мы не обсуждали с тобой конкретную дату, до вчерашнего вечера я и сама ни в чем не была уверена, но билет уже куплен.

Мама нервно вытерла руки бумажной салфеткой и опустила тяжелый задумчивый взгляд в пол. Минута рассматривания пола казалась мне вечностью.

– А на какое число обратный билет?

– Обратного билета пока нет. Я не знаю, когда вернусь. Наверное, когда почувствую, что буду готова и соскучусь по дому.

– А обо мне ты подумала? Ты же прекрасно знаешь, что мне тоже тяжело, что внутри меня каждый день идет борьба, которую я не демонстрирую. На мои плечи лег не только груз утраты, но и куча обязательств, Аня. Как ты не понимаешь? Ты нужна мне здесь. Если ты хочешь сменить обстановку, то пожалуйста, ради Бога. Мы же хотели сгонять с тобой на сафари в ЮАР, представь сколько ярких впечатлений и какой контраст. Когда бы ты хотела поехать? Давай я состыкую все это с делами.

– Мам, я все решила. Я не хочу на сафари, я хочу на Волгу, как папа. Не пытайся меня переубедить. Знаешь, мне бы сейчас тоже хотелось хоть раз услышать от тебя слова поддержки. Столько лет я делала то, что было одобряемым в твоих глазах, но мне уже не десять, мам. Я взрослый человек.

Остаток ужина мы провели в тягучем мучительном молчании. Воздух был пропитан эгоцентричным непониманием и застарелыми обидами. Мама безэмоционально допивала третий «soul happiness» и насколько бы не был хорош гармоничный тандем текилы и арбуза, ее душевное счастье оставалось под большим вопросом. Больше всего меня напрягало и расстраивало, что в ее глазах, то самое счастье зависело от моих решений. Если Аня сделала так, как будет угодно маме, то жизнь не так уж и плоха. Я всю жизнь мечтала об этой сепарации и не потому, что я хочу быстрее свалить из родительского гнезда. Я просто хочу найти в себе себя.

Научиться нести ответственность за свой выбор и свои решения. Пробовать себя в тех направлениях, которые кажутся мне не перспективными, а интересными. Влюбляться в кого хочу. Улетать в Армению посреди ночи, не переживая о том, какую взбучку мне устроят по возвращении домой. Тем более, что мама ничего не знает про Игоря и Лизу, и я не имею никакого морального права ей об этом рассказывать. Звезды распорядились так, чтобы блокнот попал в мои руки. Мне с этим и жить.

Яблочное купе

Утро пятницы выдалось прохладным. Несмотря на комфортные условия приехавшего такси, всю дорогу до вокзала я ежилась от внутреннего дискомфорта. Мама не вышла меня провожать, не присела на дорожку, нарушив старую семейную традицию, не обняла опьянив своим тяжелым, как ее характер, парфюмом и не пожелала хорошего пути. Мне еще никогда не было настолько одиноко, как в тот момент, когда я ощутила автономность взрослой жизни. Несколько дней до отъезда мы обменивались дежурными фразами и обсуждали бытовые вопросы, но я больше не видела в ее глазах решимости повлиять на мой выбор. Я должна была радоваться такому развитию событий, но почему-то переживала очень полярные эмоции.

Обычно мой внутренний интроверт не рад перспективе ехать с другими людьми в близком соседстве, но сегодня был явно другой день. Меня успокаивала мысль, что этот путь я разделю с кем-то еще и возможно, мы даже побеседуем о чем-нибудь, чтобы можно было отвлечься. Я понимала, что ни книги, ни музыка не смогут вытащить меня из круговорота навязчивых мыслей.

Попутчица создавала весьма благоприятное впечатление. Передо мной сидела миловидная женщина лет 45-50, со светлыми, слегка выющимися волосами, забранными в свободный пучок. Ее карие, широко распахнутые глаза как будто улыбались, наблюдая за проплывающими видами из окна, а легкие морщинки в уголках глаз подтверждали, что она чувственный человек с выразительной мимикой. По ее струящейся шелковой блузе, не слишком подходящей к дорожному путешествию, я поняла, что она человек интеллигентного круга. Это придало мне уверенности для того, чтобы заговорить первой.

– Здравствуйте, я Аня. Простите за вторжение в личное пространство. Просто я подумала, что раз уж мы в одном купе, то лучше познакомиться. Вас как зовут?

Женщина повернулась ко мне и широко заулыбалась, доставая из футляра аккуратные очки в тонкой оправе.

– Добрый день, Аня. Я Валентина. Если вы не против, то предпочту без отчества, мне этого с лихвой хватает на работе. Совсем недавно узнала о проблемах со зрением, видимо возраст и профессиональные издержки. Я вижу, но очертания слегка размыты. Еще не привыкла к новому аксессуару.

– Очень приятно познакомиться. А вы надолго в Ярославль?

– У меня сейчас мини-отпуск. Я педагог среднего образования. Пока у детей каникулы, я тоже могу себе позволить небольшое путешествие. Ярославль мой любимый город. Приезжаю

всегда, когда появляется возможность и время. Я сама родом из ярославской области, в молодости окончила местный педагогический колледж, а потом уехала учиться дальше и работать.

– Ничего себе! Мой папа тоже окончил ярославский колледж, только градостроительный, работал геодезистом в Москве. Папы не стало не так давно. Я вот решила пройтись по местам его юности, посмотреть на те улочки, по которым он прогуливался, подышать волжским воздухом. Ну и как оказалось, есть еще одно дело, которое мне обязательно нужно завершить, потому что отец не успел.

Валентина оказалась чутким собеседником, потому что ближайшие полчаса мне нужно было выговориться, а она тонко чувствовала в какой момент необходимо примерить роль слушателя. Ее открытый и добродушный взгляд сопровождался приятной улыбкой и аккуратными понимающими кивками в такт эмоциональному рассказу. За всю дорогу она так и не притронулась к Эмили Бронте в оригинальном ярком переплете. Мне было очень приятно, что кто-то совершенно посторонний может отложить свои планы и посвятить мне драгоценное внимание. Последний раз так делал только папа.

Не отвлекаясь от моего монолога с нотками ее уточняющих комментариев, она достала небольшую тряпочную сумку, аромат которой распространялся, как мне казалось, даже до соседних вагонов и выложила содержимое на стол. Это был небольшой сверток, дополнительно обернутый в вафельное полотенце с узорами из красного мака и еще каких-то маленьких цветов и металлический термос оливкового оттенка.

– Ух ты, какой аромат! Даже голова закружилась. Приятного вам аппетита.

– Аня, присоединяйтесь к трапезе. Давайте чаевничать вместе. Вы сказали, что у вас накануне был очень прерывистый сон, а чай с чабрецом как раз снимает напряжение. Я выросла в частном доме, и мама всегда заваривала именно такой чай. А в кулечке мои пирожки с яблоком и корицей. Не судите строго. Это сорт Уэлси, мои самые любимые и ароматные яблоки, мне кажется, они идеально подходят для выпечки.

Валентина радушно развернула сверток передо мной, и я поняла, что давно не ощущала себя так по-домашнему уютно и спокойно. Пирожки оказались очень вкусными, а чай, как будто растекался обволакивающим душистым теплом по всему телу. Мне хотелось как можно дольше просидеть в этом купе, законсервировав ощущение безмятежности и доверия. Я даже задумалась о том, что каждый повстречавшийся на нашем пути человек – это не случайность и может быть встреча с Валентиной знак, что я все делаю правильно и что в новом городе смогу обрести то, чего мне так не доставало в гигантских каменных джунглях.

Когда до окончания пути оставалось совсем немного времени, она пристально на меня посмотрела и после некоторой паузы промолвила:

– Вы все делаете правильно. Кто знает, что ждет нас за новыми поворотами судьбы. Люди уезжают в мегаполисы, чтобы обрести признание, успех, хороший достаток и влияние. Все это почему-то принято ставить на одну доску с понятием «счастье». Но счастье, Анечка, оно исключительно в нашем душевном состоянии, в роскоши быть собой и делать то, что приносит нам настоящее удовольствие. Не всем подходит такой сумасшедший ритм, а люди особенно хорошо раскрываются в этой провинциальной камерности. Они там совсем другие, уж поверьте мне. А Волга – это как раз таки обитель уставших душ. Ваш папа чувствовал ее силу и энергию,

и я уверена, что это тонко чувствование передалось и вам. Берегите себя и обязательно будьте счастливы, вопреки всем обстоятельствам

Напоследок мы обменялись номерами телефонов и договорились еще раз встретиться на чашку чая где-нибудь в уютном заведении города. Вот и первое удачное знакомство. Вот и Ярославль-Главный. Приятный глазу советский модернизм с присущими ему монументальностью и минимализмом. Проходя мимо сувенирной лавки вокзала мой взгляд упал на красочный магнит с Успенским Собором, и я решила, что это будет мой первый маленький вклад в обустройство новой жизни.

Такая простая и в то же время такая глубокая русская провинция. Кто-то никогда не поймет этого регресса и выбора в пользу глубинки, после многих лет жизни в Москве, а я стою посреди улицы и просто улыбаюсь проходящим мимо незнакомцам и неспешному течению жизни.

Папа, я приехала! Я на твоей малой, но такой большой родине. Пожелай мне удачи.

Спокойное течение

Я обосновалась в небольшой светлой студии в Кировском районе, можно сказать в центральной части города. Окна выходят на большой зеленый двор, среди соседей в основном молодые семейные пары. Несмотря на все то бунтарство, которым наполнилось мое сознание и которому я следовала все последние дни, я понимала, что мне нужна работа и финансовая независимость, потому что выделенный мамой бюджет рано или поздно закончится, а я должна была доказать свою самодостаточность. И в первую очередь самой себе.

Мне отчаянно хотелось предаться творчеству, рисовать и возможно заниматься коммерческой живописью, но это все выглядело, как отдаленная перспектива, а столичный диплом финансиста уже был у меня на руках и это был мой главный козырь на пути к свободной и интересной жизни. Спустя неделю, после первого собеседования в компанию по аутсорсингу управленческого учета, меня пригласили работать по специальности. Зарплата по меркам города приличная, на аренду жилья и обеспечение простых житейских радостей должно было хватить с лихвой.

В такие переломные моменты я всегда вспоминала Уно Тие, основательницу первого японского журнала посвященного западной моде. Меня восхищало ее искреннее стремление следовать своим душевным порывам, вопреки всем нормам, правилам и представлениям о женщине того времени. Она разводилась и снова выходила замуж, публиковалась в условиях японско-китайской войны и не боялась трудностей и осуждения. По сравнению с ней я не сделала ничего выдающегося, но я наконец-то позволила себе руководствоваться своими желаниями.

На работе я достаточно быстро обзавелась знакомствами и вот мне уже есть с кем выпить чашку капучино в рабочий перерыв, сходить в Киномакс в субботу вечером и прогуляться вдоль Депутатской, болтая обо всем на свете и ни о чем одновременно. Я жадно впитывала каждый прожитый день в этом миниатюрном, по меркам московских масштабов, городе. Никаких тебе метро и бесконечного броуновского движения, широких дорог и нескончаемого потока

машин, никакого комплекса вины за нереализованный глагол «успеть». Ты находишься в состоянии полного принятия, когда даже глагол совершенного вида, а ты нет. И в этом есть своя прелесть.

В то утро субботы я не планировала ничего глобального. Чтобы не испытывать одиночество на новом месте, и чтобы было о ком заботиться, так уж устроен человек, я завела бегонию и назвала ее Луной. Луна олицетворяет собой возрождение, а это начало и важная часть моего пути. А еще, буквально на днях я сделала новую стрижку, получилось весьма удачное удлиненное каре, этакий закос под Викторию Бекхэм в нулевых. Я не помню, когда делала короткую стрижку последний раз, но решила, что этот будет еще одним шагом в копилке самостоятельных стартов.

На кофейном столике пылилось «Вино из одуванчиков». Я уселась на диван, подмяв под себя ноги в смешных полосатых носках, открыла страницу, зафиксированную закладкой и вдруг меня резко осенило, что я забыла об одном очень важном деле. Чуть ли о не самом главном, ради которого я приехала сюда так стремительно. Круговорот эгоцентричных событий настолько выбил меня из колеи, что я даже не вытащила папин ежедневник из дорожной сумки. Я забыла об Игоре! Забыла о том, что планировала приехать по указанному адресу, как только окажусь в городе. В голове пульсировала только одна мысль: «надо срочно вызывать такси и ехать!» Но я даже не представляла, как позвоню в квартиру, как заявлюсь как ни в чем не бывало и начну рассказывать о своем отце и о том, кто я такая. Шестое чувство подсказывало мне, что Лизы больше нет, как и моего отца, потому что записи в дневнике указывали на терминальную стадию. Остался ли Игорь в этой квартире или продал жилье? Захочет ли он вообще меня слушать? Пока круговорот мыслей держал меня в оцепенении, я дрожащей рукой вбивала адрес конечной точки в приложении сервиса такси.

Через пять минут к вам подъедет Тойота Королла цвет серебристый.

Я накинула свою любимую джинсовку и на ватных ногах побежала по чистым аккуратным ступенькам. Для чего я это делаю? Ради папы, Аня. Ты это делаешь, потому что для него это было важно.

Все новое – забытое старое

До сих пор не могу привыкнуть, что расстояния между районами могут быть преодолены так быстро. Надеюсь, местные жители понимают, какой это плюс и ценность в условиях мобильного перемещения. Я даже не заметила, как таксист примчал меня по адресу и монотонно буркнул, что мы приехали.

Передо мной был старенький кирпичный дом годов шестидесятых, с любовью облагороженным и цветущим газоном. Во дворе резвились дети, с балконов подсматривали бдительные пенсионеры, а припаркованные машины аккуратно гнездились каждый на своем, облюбованном местными жителями участке. Я присела на свежеекрашенную лавочку и не могла найти в себе смелость набрать цифры нужной мне квартиры. Прошло около тридцати минут прежде, чем я услышала громкий голос с глубоким тембром:

– Милая, тебе кто-то конкретно нужен из жильцов? Ты уже раз десять посмотрела на часы и дверь. Я Виктория Аркадьевна, главная по подъезду, всех тут знаю. Подскажу, что смогу.

Я задрала голову и увидела, как с третьего этажа на меня смотрит сурового вида бабушка в цветастой веселой панамке. Головной убор немного скрасил мои опасения от дальнейшего диалога и вселил надежду, что я смогу узнать всю интересующую информацию.

– Здравствуйте, Виктория Аркадьевна! Я Аня. Мне нужен Игорь из сорок третьей квартиры. Мой отец дружил с его мамой, они вместе учились в колледже и так случилось, что отца не стало, а мне нужно передать то, что отец не успел. Он же не переехал, здесь живет?

– Аааа... Игореша. Да, Саврасовы здесь всегда жили, и Игорь по-прежнему живет тут, только теперь уже один. Он давненько ушел, видела его последний раз часов в восемь утра. Ну он работает в каком-то магазине, учится еще параллельно, так что дома бывает редко, но ты подожди... Скоро должен прийти по моим подсчетам, если не задержится где-нибудь.

Шел восьмой час вечера, и я понимала, что больше не смогу сидеть на посту в ожидании появления Игоря. Может он придет совсем поздно или останется ночевать у друзей или девушки, а на небе уже проявились предвестники заката и мне бы не хотелось задерживаться в чужом районе допоздна. Да и Виктория Аркадьевна давно покинула свой балкончик, чем спровоцировала во мне легкий приступ тревоги. Я даже не представляла себе, какой он, этот Игорь Саврасов? Как выглядит, чем увлекается, какой у него характер и темперамент. Что мне, в конце концов, от него ожидать? Дико хотелось пить, в туалет и сбежать одновременно. Я оторвалась от горящего экрана телефона и аккуратно поднялась с лавочки, чтобы размять затекшие конечности. Тут, на уровне своих ног, я увидела чьи-то широкие шаги размера сорок пятого, уверенно перемещающиеся в сторону входной двери.

Это был высокий, широкоплечий шатен с очень большими серо-голубыми глазами. Он был обладателем достаточно пышной, но небрежной копны волос, которая придавала его внешнему виду какого-то дополнительного очарования. Игорь был одет в идеально выглаженную клетчатую рубашку, свободные темные джинсы, за спиной висел большой кожаный рюкзак. А еще у него был очень приятный парфюм, который буквально на расстоянии ощущался, как свежесть ветра и морской волны с тонкими цитрусовыми нотками. Я представляла себе разные сценарии встречи с Игорем, но никак не ожидала того, что он окажется таким визуально интересным молодым человеком. Около минуты я любопытно сканировала его и поймав на себе ответный недоуменный взгляд, нашла в себе силы сообщить о цели визита.

– Вы же Игорь? Саврасов? Здравствуйте, я Аня. Тут долгая история. В общем, я нашла у своего отца ежедневник. Ну точнее его коллеги по работе нашли, впрочем, не важно. В итоге он попал ко мне в руки и из записей я узнала, что мой отец дружил с вашей мамой в студенческие годы. Она просила его приехать год назад, чтобы рассказать о вас и своей ситуации. Но мой папа тоже умер около полугода назад и вот я здесь, вместо него. Я не знаю, связывался он с вами или нет?

– Аня, добрый вечер. Если вы никуда не торопитесь, то можем пройти и поговорим в более располагающей обстановке. Я вижу, вы давно здесь сидите и явно устали. У меня, конечно, довольно скромный холостяцкий стол, но чай, кофе и ингредиенты для сэндвичей найдутся.

– Игорь, я даже не знаю... Удобно ли это будет? Я получается ворвалась вот так внезапно и нарушила все ваши планы.

– Я знал вашего папу. Он успел со мной связаться и поговорить. Но, к сожалению, я не знал, что его не стало. Мне показалось, что он выполнил свое обещание и больше не считает нужным поддерживать связь. Я очень соболезную вам. Ну так что?

– Да, хорошо. Спасибо за приглашение.

Мы поднялись пешком на четвертый этаж. Подъезд, для такого старенького дома, оказался очень ухоженным и чистым. На подоконниках стояли живые комнатные цветы, у каждой двери красовался аккуратный придверный коврик. На первом этаже стоял старенький стеллаж, который кто-то любезно пожертвовал под соседский буккроссинг и общедомовое просвещение. Оказалось, что квартира бдительной Виктории Аркадьевны располагалась ровно под квартирой Игоря. Не знаю почему, но это полностью меня успокоило и настроило на долгожданный разговор.

Двухкомнатная квартира оказалась небольшой по количеству квадратных метров, но очень уютной по наполнению. На стене в гостиной висел довольно оригинальный ковер в стиле пэчворк, в трюмо стояли наборы столовых советских сервизов, которые блестели так, как будто бы кто-то недавно их перемыл. На комоде красовался современный проигрыватель винила и несколько коробок с пластинками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.